

Научная статья

УДК 81'374.3

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145

EDN: RXBAGZ

Основы эффективного речевого взаимодействия в суде

Елена Геннадьевна Ильичева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1
eilyicheva3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5804-4247>

Аннотация. Неотъемлемой частью речевого поведения представителей любой сферы профессионального общения являются методы коммуникативного воздействия говорящего на адресата. Судебный дискурс не является исключением в этом отношении. В статье судебный дискурс рассматривается как специализированный пласт речи, имеющий свои средства выражения. Особое внимание уделяется толкованию этого вопроса различными лингвистами, а также институциональным признакам судебного дискурса, его экстралингвистическим и лингвистическим характеристикам. Судебное разбирательство – это лучший способ извлечь всю необходимую и актуальную информацию для создания правдивой картины произошедшего. Соответственно, целью данной статьи является изучение судебного дискурса с точки зрения соответствия речевых стратегий, применяемых участниками судебного заседания, принципам кооперативной коммуникации. Задача данного исследования заключается в разработке рекомендаций для эффективного общения в суде. В результате исследования стенограмм судебных заседаний было выявлено, какие именно вопросы и ответы являются продуктивными либо непродуктивными, показано, каким образом следует юристам моделировать свою речь, чтобы получить доказательства и в итоге выиграть дело. Результаты исследования могут быть использованы для того, чтобы сделать общение в зале суда более грамотным и эффективным. Гибкость и динамичность в выборе и применении стратегий и тактик речевого поведения позволит повысить профессионализм специалистов в области права. Перспективным видится исследование других закономерностей построения судебного дискурса.

Ключевые слова: принцип кооперации; англоязычный судебный дискурс; тактики ведения допроса; продуктивные и непродуктивные вопросы

Для цитирования: Ильичева Е. Г. Основы эффективного речевого взаимодействия в суде // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 137–145. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145>. <https://elibrary.ru/RXBAGZ>

Original article

On effective tactics of interrogation in court

Elena G. Ilyicheva

Candidate of philological sciences, associate professor of the foreign languages department, Saratov state academy of law. 410056, Saratov, Volskaya st., 1
eilyicheva3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5804-4247>

Abstract. The methods of the speaker's communicative influence over the addressee make an integral part of professional verbal behavior, judicial discourse being no exception. The article considers judicial discourse as a specialized speech layer having its own means of expression. Particular attention is paid to the interpretation of this issue by different linguists, as well as to the institutional features of judicial discourse, its extra-linguistic and linguistic characteristics. Courtroom proceedings are the best way to extract all the relevant information to get the true picture of the reality. Thus, this article is aimed at studying judicial discourse in terms of the compliance of speech strategies used by court participants with the cooperation principles. The objective of this research is to develop recommendations for effective communication in court. The study of court transcripts has identified which questions and answers are productive or unproductive and has shown how lawyers should model their speech in order to obtain evidence and ultimately win the case. The results of the study can be used to make communication in the courtroom more competent and effective. Flexibility

and dynamism in the choice and application of speech strategies and tactics will enhance the professionalism of lawyers. Prospects for the research are seen in the study of other judicial discourse patterns.

Key words: cooperative principle; english judicial discourse; interrogation strategies; productive and unproductive questions

For citation: Ilyicheva E. G. On effective tactics of interrogation in court. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):137–145. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145>. <https://elibrary.ru/RXBAGZ>

Введение

Судебный дискурс, который представляет собой пример институционального дискурса [Хомутова, Шефер, 2019, с. 44, Синеокова, Филимонова, 2020, с. 166] – это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, который следует рассматривать в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов [Дубровская, 2010]. Такое гетерогенное явление как судебный дискурс описано с различных точек зрения как отечественными [Авакова, Будняя, 2020; Аринова 2020; Бондарев, 2020; Литвишко, 2020; Манукян, Гранкина, 2020; Шалова, 2020; Леонтьева, 2021; Хижняк, 2021; Volgina, 2022], так и зарубежными лингвистами [Rigney, 1999; Gibbons, 2003; Tracy, Robles, 2009; Jerson, 2017].

Несомненный интерес представляет опыт успешного ведения допроса, основанного на применении различных тактических приемов. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать некоторые существующие методики ведения допроса с лингвистической точки зрения, выявить их достоинства и недостатки и предложить рекомендации по ведению судебного допроса. Подчеркнем, что под успешным ведением допроса в суде мы подразумеваем дачу правдивых, исключающих двоякое толкование показаний при отсутствии давления на свидетелей, обвиняемых либо потерпевших со стороны адвокатов или судей. Акцент на легитимности и упорядоченности применяемых языковых средств позволяет сделать достаточно надежные выводы и составить рекомендации по определению и корректированию речевого поведения участников судебного процесса.

Материалы и метод

Данными для исследования послужили стенограммы судебных заседаний, где представителем одной из сторон являлись юристы фирмы Р. Миллера и Л. Зоис (Мэриленд,

США), специализирующейся на участии в делах по искам о причинении личного вреда, включая случаи дорожно-транспортных происшествий, неправомерной практики медицинских работников, причинения вреда вследствие использования недоброкачественной продукции, причинения смерти по неосторожности и др. [Miller, Zois, 2022]. Отметим, что свою деятельность данная юридическая фирма начала около 20 лет назад и функционирует до сих пор. Основанием для выбора материала отдельных кейсов стал тот факт, что использованные тактики допроса показали соблюдение или нарушение основных постулатов общения, что говорит об успешности либо провальной технике юристов. Функциональный подход основан в данной работе на текстовом анализе материала, который требует комплексного исследования как лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств, так и учета экстралингвистических факторов, например, коммуникативных ролей и целей коммуникантов, особенностей национального мышления, различий фоновых знаний и др.

Институциональные признаки судебного дискурса

Институциональность судебного дискурса определяется, с одной стороны, постоянной строгой системой профессионально-ориентированных знаков, то есть четкой принадлежностью к институту (в данном случае – права); а с другой стороны, тенденцией к изменению этой устойчивой системы в результате воздействия экстралингвистических факторов [Синеокова, Филимонова, 2020, с. 167]. Поскольку цель судебного дискурса состоит в защите прав личности и установлении истины, а также урегулировании конфликта в соответствии с действующим законодательством, а ценности судебного дискурса определены верховенством закона, в ходе судебного заседания нередко осуществляется не только собственно правовая, но и нравственная оценка ситуации.

В качестве начальной гипотезы примем позицию, что при ведении допроса в суде

должны соблюдаться определенные принципы общения, обусловленные как целями судебного дискурса в целом, так и принципами, лежащими в основе любого рода кооперативного общения. Соответственно, в ходе анализа нам надлежит выяснить, какие именно типы вопросов являются наиболее продуктивными в плане получения информации, необходимой для принятия судом решения, какие ответы дают наиболее исчерпывающую информацию участникам судебного заседания и в итоге сформировать некоторые рекомендации лингвистического характера, которые могли бы способствовать более продуктивному ведению допроса в суде.

Важно отметить, что для судебного дискурса характерна регламентация процессуальных действий, ритуализированность, статусно-ролевая определенность; «этикетизация», определяющая наличие регулируемых этикетных норм, принятых в профессиональной среде, трафаретность, которая позволяет однозначно идентифицировать тип дискурса и его связь с социальным институтом. Таким образом, вышеуказанные признаки говорят о том, что судебный дискурс несет в себе важнейшие черты институционального типа дискурса.

Мыслительная деятельность участников судебного процесса динамична, что и обуславливает изменение в ходе судебного допроса выбираемых ими стратегий и тактик речевого поведения. Часто более опытные юристы способны быстро сориентироваться и изменить тактику допроса, если возникает угроза дискредитации их клиента или есть причина считать, что допрашиваемое лицо может ввести участников суда в заблуждение.

Экстралингвистические характеристики судебного-процессуального дискурса

Несмотря на то, что допрос может проводиться на различных стадиях расследования и рассмотрения дела, допрос в суде не получил столь широкого внимания лингвистов, как, например, допрос в полиции, который неоднократно был объектом анализа [Haworth, 2006; Ainsworth, 2008; Tracy, Robles, 2009]. Особое внимание часто привлекает факт неравного статуса участников коммуникации, поскольку техники, применяемые в ходе предварительного расследования, нацелены, прежде всего, на получение признания подозреваемого лица, и часто представители полиции оказывают психологическое давление

как на свидетелей, так и на обвиняемых. Следует также подчеркнуть наличие достаточно актуальной на сегодняшний день проблемы допроса уязвимых свидетелей, которые включают различные категории лиц, например, несовершеннолетних лиц [Brown, Lamb, 2015; Nathan, 2021]; лиц, самостоятельно обеспечивающих свою защиту [Greasen, 2019]; лиц, страдающих какими-либо физическими или умственными недостатками [Morrison, 2021]; лиц, которые в ходе совершения преступления подвергались насилию или считают, что в отношении них существует угроза применения насилия [Cotter, 2020; O'Malley, 2020] и др.

С одной стороны, строгая обстановка суда может вызвать чрезмерное психическое напряжение отдельных участников, заторможенность их психологической деятельности, снизить интеллектуальные, мотивационные и другие возможности [Василенко, 2020], с другой стороны, дискомфорт допрашиваемого может быть вызван давлением лиц, стремящихся получить информацию в желательной для них интерпретации [Потапов, 2020, с. 186]. Для упомянутых выше «уязвимых» лиц необходима дополнительная адаптация применяемых в суде тактик допроса [Equal Treatment, 2020], например, использование видеосвязи.

Лингвистические особенности судебного дискурса

Существуют и лингвистические факторы, отрицательно влияющие на восприятие непрофессиональных участников суда и впоследствии эффективность показаний. Чрезмерное использование пассивных конструкций, неправильное построение фраз, отсутствие связности и логичности [Tiersma, 1993], избыток или неоправданное использование технических и юридических терминов [Кубякин, 2020], сложные предложения [Dumas, 2006] препятствуют надлежащему речевому взаимодействию в зале суда.

Следует также учитывать, что при ответе на вопросы в судебном дискурсе, как и в других видах дискурса, нацеленных на получение результата, должен действовать один из основных принципов общения – принцип кооперации, сформулированный Г. П. Грайсом [Grice, 1975], который включает четыре категории: количества, качества, релевантности

и ясности. Категория количества связана с тем количеством информации, которое требуется передать и предписывает собеседникам сообщать ровно столько информации, сколько требуется для осуществления целей общения, не меньше и не больше. Категория релевантности требует придерживаться темы. Для соблюдения максимы ясности собеседникам надлежит избегать двусмысленности. Однако первостепенной является максима качества, которая требует предоставлять правдивые и обоснованные сведения. Мы задались целью определить, всегда ли кооперативному общению способствуют как вопросы, применяемые лицами, которые ведут допрос, так и ответы на заданные вопросы. В результате проведенного анализа будут сформулированы практические рекомендации, нацеленные на более эффективное ведение допроса в суде.

Рассматривая проблему допустимых и недопустимых вопросов в суде, чаще исследователи обращают внимание на этическую сторону вопроса. Однако пределы допустимости могут быть рассмотрены также и с лингвистической точки зрения. Так, в ходе судебного разбирательства могут быть использованы общеверификативные, или закрытые вопросы, требующие ответа «да-нет», частноверификативные вопросы, уточняющие вопросы, открытые вопросы, наводящие вопросы [Gous, Wheatcroft, 2020]. Эффективность указанных, а также некоторых других типов вопросов и ответов на них в нашем исследовании оценивается с точки зрения соблюдения принципов кооперативного общения.

Общеверификативные вопросы являются «закрытыми» вопросами, так как на них возможны лишь два ответа: подтверждение или отрицание содержащейся в вопросе гипотезы. Ср.: *Now, Ms. Sapp, you were involved in a car crash with Ms. Exline-Hassler on June 26, 2009, right? – Yes. – Do you admit responsibility for causing that car crash? – Objection, Your Honor.* Задавая общие вопросы, адвокат обвинения в первом случае указывает на фактические обстоятельства, что вполне законно, во втором случае – побуждает признать вину, что и вызывает возражение у другой стороны. Однако желание указать на отношение к ситуации аварии и понять, раскаивается ли подсудимая, очевидно. Тот факт, что судья несколько раз требует переформулировать вопрос, говорит о том, что вопросы были ненадлежащими, в том числе: *Ms. Sapp, is it your contention in this case that you're not responsible for caus-*

ing the car crash? или *Ms. Sapp, who caused the car crash?* Возражение оправдано также требованием равного обращения ко всем участникам судебного процесса [Criminal Procedure Rules, 2020; Equal Treatment, 2021], т.е. требованием отсутствия давления.

Часто для выражения эксплицитного подтверждения, либо эксплицитного отрицания достаточно ответа «Yes» или «No». Ср.: *And you were driving, right? – Yes. – And you were driving your mom's Honda Civic. – Yes. – And it happened between 5:30 and 6:00 pm? – Approximately between there. – And at the time you and your sister and your friends, you were on the way to the Outback Steakhouse in Frederic? – Yes... – And while you were driving the four of you were having a conversation in the car, correct? – Yes. – And you had a radio on, didn't ya'?' – Um, yes, but it wasn't turned on, like turned up very loud.* Только два ответа содержат уточняющую информацию. Остальные построены с соблюдением принципов кооперативного общения.

Действительно, в речевом общении вообще, в судебном разбирательстве, в особенности, предпочтительнее использовать прямые ответы, поскольку их восприятие требует меньше умственных затрат со стороны реципиента, чего, как известно, требует сформулированная Дж. Личем максима такта: «Уменьшайте затраты других, увеличивайте собственные затраты» [Leech, 1983, p. 132]. Однако использование только «Yes» и «No» в ответе не всегда создает полную картину произошедшего, поэтому расширение ответа является необходимым. С другой стороны, грамотное построение прямого вопроса позволяет увидеть четкую и последовательную обстановку, что, несомненно, является важным для присяжных, которым проще воспринимать краткие ответы. Более вежливую окраску одиночным «Yes» и «No» придают обращения, разделительные вопросы, этикетные слова и фразы.

Часть ответов содержит добавочную информацию: *And when you saw her vehicle it was completely stopped, wasn't it? – I only saw her brake lights so I'm not positive whether she was completely stopped or just really slowed down, but by the time I saw her car it, like I knew I, I don't know she was completely stopped or if she was just slowly moving along.* Вероятно, виновница аварии выражает в ответе неуверенность в безопасности своего движения, указывая на плохие дорожные условия. На первый взгляд, подобные ответы информативно избыточны и нарушают максиму

краткости. Однако в целом ряде случаев они предвосхищают следующий вопрос.

В некоторых случаях наблюдаем не прямой ответ на вопрос. Для выведения прямого ответа требуются дополнительные логические операции. Ср.: *They took down the date and time correct? – I suppose, I → Yes, they took down the date and time correct.* И расширенные ответы, и не прямые ответы, которые могут быть однозначно поняты присутствующими в суде, нарушают максимы количества и релевантности, но, будучи достаточно содержательными и объясняя обстоятельства, являются допустимыми.

При ответе на вопрос могут использоваться усилительные слова, например, оценочного или модального характера (*certainly, never*) или эмфатический глагол «*do/did*». Ср.: *Yeah, I asked if you knew, if you knew. – Yes. – She knew. – I did, I do know.* Последнее положение требует некоторых комментариев. Наличие оценки в вопросах и ответах не характерно для речи в суде, так как суд заинтересован в фактах, а не в их интерпретации, а допрашиваемое лицо нарушает таким образом максимум качества. Недопустимыми являются вопросы, в которых уже описано возможное отношение свидетеля к происходящим событиям или вопросы, требующие оценочного ответа, например: *And at the scene she was nice to you, right? – Yes. – And to use the phrase she was kind of like a motherly comfort to your situation, because she could tell you were really upset. – Yes.* Такого рода «запрещенными» вопросами можно также считать вопросы, в которых у свидетеля просят высказать оценку. Часто ситуация усугубляется также фактором давления на свидетеля, потому что практически требуют того, чтобы он оценил ситуацию, а не дал показания по факту. Ср.: *Ms. Sapp, is it your contention in this case that you're not responsible for causing the car crash? – Objection again, Your Honor; Doctor, if something is a given that that surgery, in your opinion, will be needed in 10 years, are you today, based on what you know as a practicing physician who performs spinal surgery, are you able to give us an approximate estimate of the range of costs that you think that surgery will, will cost? – Objection.*

Соблюдение максим кооперативного общения обеспечивается, если свидетелю дается право самостоятельно описать ситуацию: *All right. So, then, uh, uh, a, tell us what happened. – Okay. Well, I was on 70 and everything was, I was going about 65 miles an hour, and everything was going, traffic was moving steadily. Um, I didn't really notice her*

car, I was probably like five or six car lengths behind her when I was travelling. – Mm-hmm. – on the highway, and I didn't notice her brake lights, um, like, I guess... – So, you were five or six car lengths behind the car in front of you... – Yes. – correct? Do you know for sure whether that was Ms. Exline-Hassler or some other car that you were travelling behind before anything happened? – No. Многословность и противоречивые сведения при ответе на первый открытый вопрос вынуждают адвоката задавать дальнейшие вопросы с целью уточнения ситуации. Здесь наблюдаем практически полное следование принципам Г. П. Грайса, за исключением выделенных фраз, которые нарушают принцип информативности, будучи оценочными.

Неприемлемыми, нарушающими максимы кооперативного общения следует также признать вопросы, дискредитирующие допрашиваемое лицо, и максима информативности нарушается адвокатом, который формулирует вопросы так, что свидетель может дать только положительный или отрицательный ответ [Gibbons, 2003]: *So, you know that's it's, it's harder to stop a car when it's wet, right? – Yes. – Takes longer? – Yes. – Gotta' hit the brakes earlier? – Yeah. – And you know the difference between guilty and not guilty, don't you? – Yes. – Not guilty means you didn't do it, right? – Yes. – Guilty means you did, right? – Objection.* Вопросы с прямым порядком слов делают ответ общеоценочным, кроме того, адвокат использует такие усилительные средства, как повторы, просторечную лексику, односоставное предложение, и, наконец, задает наводящие вопросы, не связанные с исследуемыми фактами дела, а прямо оказывающие давление на свидетеля. Сравните, например, два варианта: 1) *What did Marcy tell you? – She said Marvin had a gun* и 2) *Did Marcy tell you Marvin had a gun? – Yes, I guess so.* Второй тип вопроса следует считать наводящим и, следовательно, неприемлемым.

Такой же отрицательный результат имеют множественные вопросы, часто опрашиваемый не может сформулировать ответ адекватным образом: *Well, all right, then one of the things you pointed out is that they didn't put medications in here, right? I, I'm sorry, they didn't took, put allergies, maybe it's on the second page? – I have no idea what you are talking about.* Такое поведение свидетеля находится в полном соответствии с другой категорией принципа кооперации, а именно с категорией качества, один из постулатов которой гласит: «Не говори того, для чего у

тебя нет достаточно оснований». В следующем примере нарушаются несколько принципов кооперативного общения: задается несколько вопросов подряд, что затрудняет выбор свидетеля; они включают как оценочные высказывания, так и вопрос, требующий информативного ответа: *When you see him entered the room, it is not good? It is bad? Did you not shout? – I was not able to shout that time because he covered my mouth and at the same time holding my hand* [Цит. по Jerson, 2017, p. 74].

Выводы

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что даже в такой ритуализованной сфере речевого общения, как судебный процесс, принципы кооперативного общения могут нарушаться. Высокий процент нарушения постулатов категорий количества и способа, на наш взгляд, обусловлен двумя причинами. Во-первых, категории количества и способа, по мнению самого Г. П. Грайса, подчинены категории качества. Главное в процессе общения – выполнить постулаты категории качества, то есть не делать ложных утверждений и таких, для которых нет достаточно оснований. Во-вторых, принцип кооперации Г. П. Грайса не является единственным принципом, регулирующим речевое общение. Немаловажную роль играют социальные, эстетические и моральные постулаты. Не следует игнорировать и языковые конвенции, которые часто обладают не меньшим регулирующим влиянием на речевое поведение, чем коммуникативные, социальные, эстетические и моральные принципы.

Таким образом, продуктивные вопросы как надлежащий способ получения важных данных, относящихся к делу, включают следующие: открытые вопросы, на которые свидетель дает полный предельно правдивый и точный ответ; уточняющие вопросы, которые позволяют прояснить детали дела, а также уточняющие правильность предыдущих ответов; общие вопросы, требующие ответа типа «да / нет», которые используются для получения убедительных замечаний, которые устанавливают законный контекст. К непродуктивному типу относятся ненадлежащие закрытые вопросы, требующие ответа «да / нет», отвечая на которые свидетель дает очень ограниченное представление о деле; наводящие вопросы; множественные вопросы, которые вызывают затруднения у свидетеля в выборе очередности и приоритетности ответов; вопросы с принудительным выбором ответа, соответственно, ока-

зывающие давление на опрашиваемое лицо.

Овладение искусством ведения допроса требует от юриста или судьи грамотного подхода и способности варьировать свои стратегии в зависимости от обстановки. Необходимо избегать, во-первых, вопросов, оказывающих неправомерное психологическое воздействие на свидетеля или подсудимого, например, вопросов ограничительного характера, которые не дают возможности свободы выбора в описании ситуации или известных свидетелю фактов, во-вторых, вопросов, дискредитирующих свидетеля или вводящих его в заблуждение. Адвокат должен обратить внимание на подготовку своего свидетеля и позаботиться о том, чтобы манера ведения допроса помогала свидетелю дать правдивую и полную информацию.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие в зале суда является широким полем для исследования, в ходе которого могут быть установлены закономерности построения судебного дискурса с учетом разнообразных внеязыковых факторов. Расширение материала исследования может внести некоторые коррективы в сделанные выводы.

Библиографический список

1. Авакова М. Л., Будняя О. Н. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4(83). С. 465–467.
2. Аринова Б. Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. Челябинск, 2020. №3(17). С. 58–64.
3. Бондарев В. Г. Судебный дискурс: генезис и определение понятия / В. Г. Бондарев, Н. И. Башмакова, А. И. Снина // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 1. С. 52–65.
4. Василенко М. А. Психологические особенности судейской деятельности на этапе подготовки и рассмотрения уголовных дел в суде // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 6(45). С. 653–659.
5. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). Москва : Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
6. Кубякин А. Е. Профессиональная речь юриста // European science of the future: Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, Смоленск, 27 января 2020 года. Смоленск : МНИЦ «Наукофера», 2020. С. 87–90.
7. Леонтьева А. В. Полимодальная смена перспективы в судебном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. №1 (843). С. 117–127.

8. Литвишко О. М. Синтаксические закономерности англоязычного юридического дискурса как средство реализации нормативно-регулятивной функции права // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 124–132.
9. Манукян М. Р., Гранкина Р. М. Особенности интерпретации текстов процессуального содержания в судебном дискурсе (на материале английского языка // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 194–200.
10. Потапов Д. П. Особенности проведения судебного допроса // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2020. С. 184–187.
11. Синеокова Т. Н., Филимонова О. В. Институциональные признаки судебного дискурса и его отличительные черты // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3(38). С. 166–174.
12. Хижняк С. П. Варианты правовой картины мира в английском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 2. С. 145–149.
13. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16. № 3. С. 44–53.
14. Шалова Е. Н. Тексты судебных решений как особая форма реализации юридического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 13 (842). С. 170–182.
15. Ainsworth J. «You have the right to remain silent... But you if you ask it just so»: the role of linguistic ideology in American police interrogation law // The International journal of Speech, Language and the Law. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 1–21.
16. Brown D. A., Lamb M. E. Can Children Be Useful Witnesses? It Depends How They Are Questioned // Child Development Perspectives. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 250–255.
17. Cotter B. Vulnerable Witnesses and Parties within Civil Proceedings. Current Position and Recommendations for Change. Civil Justice Council, 2020. 155 p.
18. Criminal Procedure Rules. Criminal Procedure Rule Committee, Ministry of Justice, 2020. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (дата обращения: 1.07.2022).
19. Dumas B. Jury instructions // Encyclopedia of language and linguistics. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 143–148.
20. Equal Treatment Bench Book. Judicial College, 2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/05/ETBB-February-2018-amended-March-2020-17.09.20-1.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).
21. Gibbons J. Forensic linguistics: An introduction to language in the justice system. Malden: Wiley-Blackwell, 2003. 344 p.
22. Gous G., Wheatcroft J. Directive Leading Questions and Preparation Technique Effects on Witness Accuracy. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019899053> (дата обращения: 10.07.2022).
23. Greacen J. M. Ensuring the right to be heard: guidance for trial judges in cases involving self-represented litigants. IAALS, University of Denver, 2019. 28 p.
24. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.
25. Haworth K. The dynamics of power and resistance in police interview discourse // Discourse and Society. 2006. Vol. 17. P. 739–759.
26. Jerson S. C. On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis // IOSR Journal Of Humanities And Social Science. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97.
27. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Routledge, 1983. 264 p.
28. Miller and Zois: Attorneys-at-Law. URL: <https://www.millerandzois.com/our-team.html> (дата обращения: 1.07.2022).
29. Morrison J. Reported communication challenges for adult witnesses with intellectual disabilities giving evidence in court / J. Morrison, J. Bradshaw, G. Murphy // The International Journal of Evidence and Proof. 2021. Vol. 25(4). P. 243–263.
30. Nathan D. The Art of Prepping a Witness / D. Nathan, Morvillo E., Parker W., Stern R., Anderson E. // Litigation. 2021. Vol. 47. No. 3. URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/publication/s/litigation_journal/2020-21/spring/the-art-prepping-witness/ (дата обращения: 10.07.2022).
31. O'Malley T. Review of the protections for vulnerable witnesses in the investigation and prosecution of sexual offences. Department of Justice, 2020. 141 p.
32. Rigney A. C. Questioning in interpreted testimony // Forensic Linguistics. 1999. 6(1). P. 83–108.
33. Tiersma P.M. Reforming the language of jury instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 37–78.
34. Tracy K., Robles J. Questions, questioning, and institutional practices: an introduction // Discourse Studies. 2009. No. 11. P. 131–152.
35. Volgina E. V. Gender capacity of Anglo-American legal terminology // Language of Science and Professional Communication. 2022. No 1(6). P. 79–89.

Reference list

1. Avakova M. L., Budnjaja O. N. Metadiskursivnye markery kak sredstva realizacii kategorii ubezhdeniya v anglojazychnom sudebnom diskurse = Metadiscursive markers as a means to realize the category of persuasion in English judicial discourse // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 4(83). S. 465–467.
2. Arinova B. N. Izuchenie lingvisticheskikh osobenostej pis'mennogo sudebnogo diskursa Velikobritanii:

formal'noe i sodержatel'noe obosnovanie podhoda = Studying linguistic features of British written judicial discourse: a formal and semantic rationale for the approach // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika. Cheljabinsk, 2020. №3(17). S. 58–64.

3. Bondarev V. G. Sudebnyj diskurs: genezis i opredelenie ponjatija = Judicial discourse: genesis and definition of the concept / V. G. Bondarev, N. I. Bashmakova, A. I. Sinina // Konfliktologija. 2020. T. 15. № 1. S. 52–65.

4. Vasilenko M. A. Psihologicheskie osobennosti sudejskoj dejatel'nosti na jetape podgotovki i rassmotrenija ugovolnyh del v sude = Psychological features of judicial activity at the stage of preparation and trial of criminal cases in court // Alleja nauki. 2020. T. 2. № 6(45). S. 653–659.

5. Dubrovskaja T. V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Judicial discourse: speech behavior of a judge in Russian and English. Moskva : Akademija MNJePU, 2010. 351 s.

6. Kubjakin A. E. Professional'naja rech' jurista = Professional legal speech // European science of the future: Sbornik nauchnyh trudov po materialam V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Smolensk, 27 janvarja 2020 goda. Smolensk : MNIC «Naukosfera», 2020. S. 87–90.

7. Leont'eva A. V. Polimodal'naja smena perspektivy v sudebnom diskurse = A polymodal change of perspective in judicial discourse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. №1 (843). S. 117–127.

8. Litvishko O. M. Sintaksicheskie zakonomernosti anglojazychnogo juridicheskogo diskursa kak sredstvo realizacii normativno-reguljativnoj funkcii prava = Syntactic regularities of legal discourse in English as a means of implementing the normative and regulatory function of law // Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 124–132.

9. Manukjan M. R., Grankina R. M. Osobennosti interpretacii tekstov processual'nogo sodержanija v sudebnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) = Specifics of procedural text interpretation in judicial discourse in English // Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 194–200.

10. Potapov D. P. Osobennosti provedenija sudebnogo doprosa = Specifics of court interrogation // Nauchnyj vestnik Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Gorno-Altajsk : Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 184–187.

11. Sineokova T. N., Filimonova O. V. Institucional'nye priznaki sudebnogo diskursa i ego otlichitel'nye cherty = Institutional attributes of judicial discourse and its distinctive features // Teorija jazyka i mezkul'turnaja kommunikacija. 2020. № 3(38). S. 166–174.

12. Hizhnjak S. P. Varianty pravovoj kartiny mira v anglijskom jazyke = Variants of the legal world picture in

the English language // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2021. T. 21. № 2. S. 145–149.

13. Homutova T. N., Shefer E. A. Juridicheskij diskurs: problemy i perspektivy issledovanija = Legal discourse: problems and prospects for research // Vestnik JuUrGU. Serija «Lingvistika». 2019. T. 16. № 3. S. 44–53.

14. Shalova E. N. Teksty sudebnyh reshenij kak osobaja forma realizacii juridicheskogo diskursa = Court judgment texts as a special form of legal discourse implementation // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 13 (842). S. 170–182.

15. Ainsworth J. «You have the right to remain silent... But you if you ask it just so»: the role of linguistic ideology in American police interrogation law // The International journal of Speech, Language and the Law. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 1–21.

16. Brown D. A., Lamb M. E. Can Children Be Useful Witnesses? It Depends How They Are Questioned // Child Development Perspectives. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 250–255.

17. Cotter V. Vulnerable Witnesses and Parties within Civil Proceedings. Current Position and Recommendations for Change. Civil Justice Council, 2020. 155 p.

18. Criminal Procedure Rules. Criminal Procedure Rule Committee, Ministry of Justice, 2020. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (data obrashhenija: 1.07.2022).

19. Dumas B. Jury instructions // Encyclopedia of language and linguistics. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 143–148.

20. Equal Treatment Bench Book. Judicial College, 2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/05/ETBB-February-2018-amended-March-2020-17.09.20-1.pdf> (data obrashhenija: 10.07.2022).

21. Gibbons J. Forensic linguistics: An introduction to language in the justice system. Malden: Wiley-Blackwell, 2003. 344 p.

22. Gous G., Wheatcroft J. Directive Leading Questions and Preparation Technique Effects on Witness Accuracy. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019899053> (data obrashhenija: 10.07.2022).

23. Greacen J. M. Ensuring the right to be heard: guidance for trial judges in cases involving self-represented litigants. IAALS, University of Denver, 2019. 28 p.

24. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.

25. Haworth K. The dynamics of power and resistance in police interview discourse // Discourse and Society. 2006. Vol. 17. P. 739–759.

26. Jerson S. C. On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis // IOSR Journal Of Humanities And Social Science. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97.

27. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Routledge, 1983. 264 p.
28. Miller and Zois: Attorneys-at-Law. URL: <https://www.millerandzois.com/our-team.html> (data obrashhenija: 1.07.2022).
29. Morrison J. Reported communication challenges for adult witnesses with intellectual disabilities giving evidence in court / J. Morrison, J. Bradshaw, G. Murphy // The International Journal of Evidence and Proof. 2021. Vol. 25(4). P. 243–263.
30. Nathan D. The Art of Prepping a Witness / D. Nathan, Morvillo E., Parker W., Stern R., Anderson E. // Litigation. 2021. Vol. 47. No. 3. URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/publications/litigation_journal/2020-21/spring/the-art-prepping-witness/ (data obrashhenija: 10.07.2022).
31. O'Malley T. Review of the protections for vulnerable witnesses in the investigation and prosecution of sexual offences. Department of Justice, 2020. 141 p.
32. Rigney A. C. Questioning in interpreted testimony // Forensic Linguistics. 1999. 6(1). P. 83–108.
33. Tiersma P.M. Reforming the language of jury instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 37–78.
34. Tracy K., Robles J. Questions, questioning, and institutional practices: an introduction // Discourse Studies. 2009. No. 11. P. 131–152.
35. Volgina E. V. Gender capacity of Anglo-American legal terminology // Language of Science and Professional Communication. 2022. No 1(6). P. 79–89.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.